

О творческом пути В. С. Барановского

Григорий Поташенко

Кафедра теории истории и истории культуры

Исторический факультет

Вильнюсский университет, Литва

Department of History Theory and Cultural History

Faculty of History

Vilnius University, Lithuania

E-mail: grigorijus.potasenko@if.vu.lt

<https://orcid.org/0000-0002-7012-6798>

<https://ror.org/03nadee84>

Резюме. В статье исследуются главные вехи творчества писателя, историка староверия Василия Барановского и значение его творчества в общественном дискурсе Литвы на фоне меняющихся эпох. В 1970–1980-е гг. старообрядчество Литвы впервые стало объектом более пристального внимания некоторых русских и литовских прозаиков и поэтов. Особенная роль в этом принадлежит прозаику В. Барановскому.

Посвященная староверию и его деятелям, проза и поэзия Барановского, созданная в 1990–нач. 2020-х гг., стоит особняком. Писатель в значительной степени формирует литературный русскоязычный дискурс о староверии в Литве и остается в нем почти одиноким. Литературное творчество Барановского как популяризация истории староверия Литвы и Латвии являет собой нечто большее, чем изящная словесность или свидетельство о прошлых эпохах. Это взгляд на историю в свете совести и культуры.

Ключевые слова: В. С. Барановский, проза, староверие, общественный дискурс.

About the Creative Path of V. S. Baranovsky

Abstract. The article examines the main stages of the work of the writer and historian of Old Believers Vasily Baranovsky and the significance of his work in the public discourse of Lithuania against the backdrop of changing eras. In the 1970s and 1980s, the Old Believers of Lithuania first became the object of closer attention of some Russian and Lithuanian prose writers and poets. A special role in this belongs to the prose writer V. Baranovsky.

The prose and poetry of V. Baranovsky, dedicated to the Old Believers and their figures, which was created in the 1990s – early 2020s, stands apart. He largely shapes the literary

Received: 14/06/2025. Accepted: 02/09/2025

Copyright © 2025 Григорий Поташенко. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

Russian-language discourse on the Old Believers in Lithuania and remains an almost lonely prose writer in it. The literary work of V. Baranovsky, as a popularization of the history of the Old Believers in Lithuania and Latvia, is something more than fine literature or evidence of past eras. This is a look at history in the light of conscience and culture.

Keywords: Vasily Baranovsky, prose, Old Believers, public discourse.

Apie V. Baranovskio kūrybinį kelią

Santrauka. Šiame straipsnyje nagrinėjami pagrindiniai rašytojo ir sentikių istoriko Vasilijaus Baranovskio kūrybos etapai ir jo kūrybos reikšmė Lietuvos viešojo diskurso kaitos kontekste. XX a. 8-ajame ir 9-ajame dešimtmečiuose Lietuvos sentikiai pirmą kartą tapo keleto rusų ir lietuvių rašytojų, poetų didesnio dėmesio objektu. Ypač svarbų vaidmenį šiame kontekste atliko prozininkas V. Baranovskis. XX a. 10-ajame dešimtmetyje - XXI a. trečiojo dešimtmečio pradžioje sukurta Baranovskio proza ir poezija skirta sentikiams ir jų veikėjams. Rašytojas reikšmingai formuoja rusakalbį literatūrinį diskursą apie sentikius Lietuvoje ir jame lieka beveik vienas. Baranovskio literatūrinė kūryba kaip sentikių istorijos Lietuvoje ir Latvijoje populiarinimas yra daugiau nei grožinė literatūra ar praėjusių epochų liudijimas. Tai žvilgsnis į istoriją sąžinės ir kultūros šviesoje.

Reikšminiai žodžiai: V. Baranovskis, proza, sentikybė, viešasis diskursas.

Василий Саввич Барановский (1933–2023) – прозаик, публицист, историк и религиозный деятель староверия Литвы и Латвии.

Тридцать лет своей жизни В. Барановский отдал журналистике, не менее пятидесяти лет непрерывно писал прозу, стихи. Его первые публикации стихов относятся к юношеской поре – к 1950 г., хотя в дальнейшем литературные занятия на некоторое время прервались.

Тридцать пять последних лет Василий Саввич значительное внимание уделял также истории староверия стран Балтии и России. Он был участником многих научных и религиозных конференций по староверию в Литве и Латвии. В 2007–2012 гг. Барановский входил в состав Высшего Совета Древлеправославной поморской церкви Литвы.

Детство и юность Барановского прошли в Латвии. Он родился 13 апреля 1933 г. в старообрядческой семье в Гриве (ныне Даугавпилс), затем некоторое время с родителями жил в Риге. Начиная с 1955 г., то есть зрелые годы и двадцать четыре года после выхода на пенсию, он жил в Литве. В 1958 г. Барановский окончил вечернюю среднюю школу в Зарасай, а в 1963 г. – Высшую партийную школу в Вильнюсе. В 1963–1967 гг. работал в зарасайской районной газете, а в 1967–1978 гг. – в городской газете Клайпеды. Позже он переехал в Вильнюс.

В 1978–1990 гг. (с некоторым перерывом) Барановский был заместителем главного редактора журнала «Литва литературная» (с 1989 г. – «Вильнюс»). Учился на Экономическом факультете в Вильнюсском университете. С 1993 г. он вернулся в Зарасай, стал почетным гражданином этого города. В 2017 г. Барановский переселился в Латвию, в Резекне. 27 сентября 2023 г. здесь он умер и похоронен.

Творчество и биография Василия Барановского малоизучены. Скрамные биографические сведения о нем и его творчестве можно почерпнуть из его краткой автобиографии (Барановский, 2014), некоторых исследований по истории русской литературы и публицистики в Литве (Поташенко, 2007; Лавриненц, 2013, с. 262–265), кратких рецензий на его прозу (см. Трофимов, 2005; Метельский, 2016, с. 41; Кулешов, 2016, с. 43–44) поздравительных речей, приуроченных к его юбилеям (Поташенко, 2018), или некрологов (Памяти усопших, 2024).

Цель данной статьи – проследить главные вехи творчества писателя и историка староверия и определить значение его творчества в общественном дискурсе на фоне меняющихся эпох.

Обращение к теме русских старожилов и староверия: конец 1970-х – 1980-е гг.

В позднесоветский период русские староверы Литвы, в отличие от Католической церкви с середины 1960-х гг., не создали какого-либо широкого, организованного религиозного оппозиционного движения, особенно в подпольной форме. Тем не менее в 1953–1990 гг. (и ранее) в старообрядчестве Литвы существовало множество форм оппозиции, открытого и завуалированного неповиновения советским властям. Это необычно и часто парадоксально сочеталось с проявлением (часто излишне демонстративным) лояльности и (нередко искренним) советским патриотизмом. Непокорность староверов то усиливалась, то ослаблялась, но не исчезала (Potašenko, 2025, p. 727–760).

Религиозные настроения староверов и их неповиновение поощрял меняющийся официальный общественный дискурс. В 1960–1980-е гг. старообрядчество, прежде всего как культурное явление и старожильческое население, стало предметом более внимательного изучения. Оно впервые вошло в публичный (академический) и общественный дискурс советской Литвы, хотя и относительно фрагментарно.

В 1960–1970-х гг. некоторые языковеды, фольклористы и преподаватели университетов, а вслед за ними писатели, журналисты и документалисты стали гораздо активнее интересоваться старовери́ем как культурным явлением. Это было более приемлемо для местных властей и советской идеологии, про-

пагандистски ориентированной на удовлетворение интересов народа. Особо отметим в 1975 г. опубликованную Ниной Митропольской работу «Русский фольклор в Литве» (Митропольская, 1975). Эта книга стала первым в Литве научным исследованием (в области фольклора и истории культуры) о местных старообрядцах в советское время. Кроме того, в 1960-е и особенно в 1970–1980-е гг. старообрядчество Литвы впервые стало объектом более пристального внимания некоторых русских и литовских прозаиков, поэтов и документалистов (Potašenko, 1998; Лавринец, 2013; Potašenko, 2025, p. 755–757).

Особенная роль в этом принадлежит журналисту и прозаiku В. Барановскому, который сам, как сказано выше, был родом из старообрядческой семьи. В 1978 г. в журнале «Литва литературная» Барановский опубликовал рассказ «Плач в тишине» (позже переработанный). Согласно сюжету, даугавпилсский лавочник Ицик в период немецкой оккупации в годы Второй мировой войны пришел к своим русским соседям (в них угадываются староверы), чтобы проститься перед ему грозящей казнью. В рассказе показано отношение разных людей к чужому горю: кто-то снабжал приговоренного еврея Ицика продуктами или плетеной корзиной, кто-то сочувствовал его участи, а кто-то оставался равнодушным.

Затем Барановский выпустил четыре сборника рассказов и повестей: «Утренний возок» (1978), «Горька ягода» (1982), «Долгий всполох» (1985) и «Багряный град» (1989). В них также звучали темы Второй мировой войны (в именовании писателя – Великой Отечественной войны), сложности судеб местных жителей – русских (нередко староверов), евреев, литовцев и латышей – в военные и послевоенные годы, мотивы памяти о предках и стремления соотносить свои поступки с совестью и долгом.

В 1983 г. прозаик Георгий Метельский заметил, что маленькая повесть «Утренний возок» произвела на него впечатление «чего-то очень свежего, отмеченного несомненным талантом». Первые книги Барановского демонстрировали его творческий рост. Автор владел пером, любил точное слово и умело строил сюжет (Метельский, 2016, с. 41). В 1983 г. Барановский был принят в Союз писателей СССР, позже стал членом союза писателей Литвы.

Советские мифы о «Великой Победе» и «дружбе народов» явно присутствовали в прозе Барановского той эпохи, но нередко были фоном и контекстом. Они могли быть обрамлением места действия – герой повести «Долгий всполох» демобилизованный фронтовик Потапов приезжает в «освобожденную» советскую Литву (Барановский, 1985, с. 45–66). Советские мифы – в гораздо меньшей мере убежденность в грядущем коммунизме – могли быть и горизонтом мировоззрения, основой публичного поведения лирических героев

и героинь его повестей, но обычно полностью не затмевали их особенности, инаковости. Аннексия стран Балтии, послевоенные массовые депортации, репрессии властей не обсуждались и, понятно, не осуждались, но и каким-то не мысленным образом не оправдывались. Поэтому произведения Барановского разительно отличались от лжеклассических советских повестей и романов.

Перестройка советской системы, начатая в 1985 г. М. Горбачевым, не сразу изменила цели и тактику официальной религиозной политики. Лишь в 1987–1988 гг. власти советской Литвы прагматично отказались от дискриминации религиозных обществ и устремились к установлению с ними более тесных отношений.

Меняющийся общественный дискурс повлиял и на творческую направленность, идеи и настроения Барановского. В 1989 г. он опубликовал очерк «Китеж-град» в журнале «Вильнюс» (Барановский, 1989), ставший одним из первых ярких положительных откликов о местных староверах в публичном пространстве советской Литвы. С этого времени он приступил к сравнительно постоянным сочинениям, в которых освещалась история староверия, жизнеописание его деятелей. Это было заметно уже в исторической повести «Супротивцы», вошедшей в книгу «Багряный град» (Барановский, 1989б), воссоздавшей эпизоды ранней истории староверия в Курляндии и основания первого общежития большаком Дементием.

Московский литературовед Василий Кулешов писал, что вместе с Барановским в советскую (российскую) литературу вошла новая оригинальная тема, своя, «матёрая», некогда «запретная» (Кулешов, 2016, с. 43). Это тема эпизодически присутствовала в ранней прозе Барановского. Она косвенно представлена Максимом Горьким. Лишь слегка затрагивалась ранним Леонидом Леоновым, «деревенщиками» Виктором Астафьевыми, Валентином Распутиным и др. Но староверие не было предметом специального изображения у советских писателей. Оно было когда-то ярко представлено в романах Павла Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах», но на нем тема и оборвалась.

Заметим, что в 1979 г. в романе Бронюса Радзявичюса «Большаки на рассвете» («Priešaušrio vieškeliai») старообрядцы (как эпизодические герои), впервые в литовской прозе, гораздо чаще упоминались.¹

1 Эпизодически местные старообрядцы упоминаются в романе В. Миколайтиса-Путинаса «Повстанцы», вышедшем в 1967 г. (см. Potašenko, 1998).

Проза, стихи, исторические труды после 1990 г.: погружение в тему староверия

Проза и поэзия В. Барановского, созданная в 1990–2010-е гг., стоит особняком. Барановский в значительной степени формирует литературный русскоязычный дискурс о староверии в Литве и остается в нем почти одиноким прозаиком. (Тема староверия присутствует в поэзии виленчанина Михаила Кудрявцева (1948–1995), каунасца Федора Пономарева и пр.) Но он далеко не единственный писатель в современной России, Латвии, Эстонии и Польше, писавший на темы староверия.

В эти годы Барановский публиковал прозу и публицистику в журнале «Вильнюс» и «Поморский вестник», газетах «Эхо Литвы», «Летувос ритас», «Литературная Россия» и других изданиях. Часть рассказов затем вошла в его сборники прозы. Основная тема творчества – история староверия в «бунташном» XVII в., судьбы русских старожилов Латвии и Литвы, своеобразие мироощущения, истории и быта староверов, пришедших на Балтийские земли приблизительно 350 лет тому назад. Главным было усилие приоткрыть во многом преданную забвению и изувеченную, но живую «старообрядческую цивилизацию». В этом стремлении писателя прослеживается и попытка выбраться из «малого мира» деревни с ее незаурядными натурами, пусть и не всегда имевшими широкий идейный и социальный кругозор, столь необходимый для человека в сложном, «текущем» современном обществе.

Глубокое погружение в тему староверия, достаточно важную для всех стран Балтии, является особенностью позднего периода творчества Барановского. Это отличало его, например, от прозы, идей и настроений российского писателя В. Астафьева, также имевшего старообрядческие корни, но смело уходившего от «деревенской» тематики, которая и до того была у него широкой, охватывала «бесконечность мироздания, дыхание Вечного, присутствие в мире Творца» (Азадовский, 2003).

Оплакивая исчезающий деревенский материк, порушенные храмы, отравленную нерождающую землю, со свойственной ему огромной пластической силой, состраданием, любовью и ненавистью (критики отмечали и ноты ксенофобии), Астафьев настойчиво искал ответа еще на один, возможно, самый больной вопрос – о виновниках великих бед, постигших Россию в XX в. И недвусмысленно говорил: большевики (Азадовский, 2003).

Такой мощной социальной направленности и устремленности к «жизненной правде» после распада СССР как в прозе В. Астафьева, размышляющего о «стране и народе», ее диктаторских правителях в прошлом, о Второй мировой

войне, ее подвигах, преступлениях и горьких плодах, в реалистической прозе Барановского мы не увидим. Он не затрагивал в таком объеме столь острые и сложные темы. В эти годы он с головой погрузился в повествование о другой большой и не менее многослойной теме – расколе Русской православной церкви в середине XVII в., непростом прошлом староверия стран Балтии, путях его героев и мучеников (протопоп Аввакум, боярыня Морозова, Иван Заволоко, образ которого запечатлен в одной из его повестей).

Барановский вырос в этой теме, знал ее с детства и словно берег ее для более подходящего времени. С 1980-х гг. он стал гораздо бережнее хранить ее предания, тщательно изнутри наблюдать и осознать. Он органически знал и возвращал свой предмет. В его прозе предлагается не любоваться дониконовской религиозной жизнью, не экскурсии в таежные скиты. Перед нами – обычные люди, часть русского народа, затем – русского меньшинства в странах Балтии, посреди своей повседневности и в то же время стоящие перед выбором. Сначала, когда грянули лютые царские гонения, перед выбором между никоновскими новинами и охранением старины. Затем перед необходимостью выбирать между Россией и Литвой, Курляндией. Еще позже в их обжитой и по-своему неизбежно замкнутый мир в Литве и Латвии врываются массовые преследования при Николае I и, наконец, большие события XX в., две мировые войны, модернизация, секуляризация, два прихода советской власти.

Все это получило определенное преломление в староверческой среде, которое и само изнутри преобразовывалось. Барановский решает эти темы в староверии в новых условиях свободы. Он дорожит ценностями «узкого мира», но и видит его обреченность, а также вызовы свободы, сложные социальные перемены в деревне, городе и сдвиги в сознании. Вместе с тем автор ставит перед читателем, простым человеком, его душой и рассудком проблему выбора и ответственности: что и как должно перейти в общество будущего?

В этом направлении Барановский плодотворно и внимательно работал. Он умел оставлять героев на решающем перекрестке. Финалы произведений у него нередко философские. Эмоционально заряженные, они потрясают душу читателя, наводят читателя на размышления, ведут его к пониманию духовности и христианской ответственности (новый мотив в позднем творчестве Барановского).

Непосредственно раннему староверию посвящены историческая повесть «Боярыня Морозова» (1993 г.; затем вышла отдельной книгой – Барановский, 2008) и немало рассказов писателя.

Барановский – мастер малой повествовательной прозы. Он искусно выстраивает короткие диалоги, но не избегает и внутренних монологов своих

персонажей. Особенно удаются ему образы отцов-наставников, вожаков, деревенских грамотеев и хранителей «заветов старины».

Один из рассказов – «Травник для узников» (написан в 1989 г.) – вошел в книгу прозы, обзрений и статей «Времена и судьбы» (Барановский, 2013а). Герой этого рассказа – отец Иоанн, сосланный большевиками в Сибирь. Он начал лечить травами местных узников, погибавших от непосильного труда и болезней, в частности цинги. Свои лекарские знания «дед-волшебник» сложил в книгу, изданную по велению тюремного начальства. По словам писателя, «Травник» стал неслыханным событием за всю историю ГУЛАГа. В герое рассказа можно распознать известного деятеля старообрядчества Латвии и одно время резекненского наставника Ивана Заволоко (1897–1984). Барановский встречался с ним еще в начале 1980-х гг. и тепло отзывался об этом «выдающемся религиозном деятеле и собирателе древней русской культуры».

Помимо прочего, Барановский приступил к изучению старообрядчества как яркого религиозного явления в Восточной и Центральной Европе. Он является автором двух научно-популярных книг по истории староверия в Зарасай и Зарасайском крае (Барановский, 2000; Барановский, 2004), написал ряд статей об истории других поморских общин, о видных деятелях староверия Литвы и Латвии.

Важным итогом исторических исследований по староверию Литвы и других стран последнего десятилетия можно считать труд В. Барановского и Г. Потащенко «Староверие Балтии и Польши: краткий исторический и биографический словарь» (Барановский, Потащенко, 2005). Для Балтии и Польши это первое словарное издание посвященное одной из традиционных религий – староверию и охватывающее период со второй половины XVII в. до 2004 г.

В 2011–2013 гг. Барановский опубликовал еще четыре книги. Это «Посвящение храму. Стихотворный текст» (Барановский, 2011), два сборника прозы – «Времена и судьбы. Проза. Обозрения. Статьи» (Барановский, 2013а), «Жил был олень» (Барановский, 2013б). Он также составил сборник «Дни и труды духовного наставника Аггея Волкова. Биография. Деяния» (Барановский, 2012).

В 2015 г. в Даугавпилсе вышел новый сборник прозы Барановского «Лето тревог и печали» (Барановский, 2015). Как заметил сам автор, он писал в основном о староверах, попавших в сложные обстоятельства военного времени. Ключевая тема Второй мировой войны, как для советской русской литературы, так для современной русской прозы, в его творчестве все отчетливее приобретает локальное своеобразие и несколько иное измерение. Это личная тема для Барановского: в этой войне погиб его отец и другие близкие. Это не только борьба «за родину и державу», но прежде всего трагедия – человеческая, личная,

народная и масштабно политическая. И тем более это не поддержка крайне идеологизированного нынешними российскими властями мифа об неизбежном историческом единстве русских и украинцев, миф о Великой отечественной войне, не считающийся с никакими человеческими потерями, сознательно замалчивавший свои военные преступления и аннексию стран Балтии (а с февраля 2022 г. и полномасштабную, преступную войну в Украине).

«Война, – рассуждает В. Барановский, – всегда горе и борьба за то, чтобы остаться в живых. С христианской точки зрения война – убийство. Человек оказывается в неприемлемых для жизни условиях, гибнет и страдает мирное население» (Барановский, 2016б). Этим он напоминает уже не только своего кумира – крупного русского писателя Литвы Константина Воробьева, но в определенной мере и позднего Астафьева, и белоруску Светлану Алексиевич, ее книгу «У войны не женское лицо».

Наконец, 2021 г. в Даугавпилсе вышла пятнадцатая авторская книга Барановского – «Единственный град во Вселенной...» (Барановский, 2021). Она включает стихотворные повествования о жене протопопа Аввакума Настасье Марковне, о городе Даугавпилсе, в котором действуют шесть староверческих общин, и об игумене Досифее, сподвижнике Аввакума.

Вместо заключения

Василий Барановский стал тем, кем он стал, не благодаря тому, что произошло в странах Балтии и с русской культурой (и другими культурами) в XX в. и первой четверти XXI в., а, скорее, помимо того или вопреки тому. Он стал бы самым собой даже если бы Балтийские страны не пережили известных событий прошлого столетия, ибо он был *одарен*. Талант в принципе в истории не нуждается.

Все это, впрочем, не без причин. Но кроются они не столько в историческом детерминизме, сколько в непредсказуемом сочетании разных величин, включая дух, время, Божественный промысел (поздний Барановский крепко в это поверил), социальные структуры, общественный дискурс и личность. В свои 45, 80 и больше лет трудолюбивый и скромный по характеру человек оказался способным создать целый литературный и исторический пласт в культуре Литвы и Латвии, также замедлить, если не предотвратить, размывание русско-староверческой культуры в нашем регионе, ускорившееся в советский и современный период. Поэтому все более крепнет понимание того, что староверие – это особая самостоятельная и автономная традиция в истории Восточной и Центральной Европы. Большая заслуга в этом именно Барановского. Его творчество – прежде всего его поздняя проза, популяризация и актуализация

истоков староверия в XVII в., его истории в Литве и Латвии – есть нечто больше, чем изящная словесность или свидетельство о прошлых эпохах. Это взгляд на историю в свете совести и культуры.

Литература

- Азадовский, К., 2003. Переписка из двух углов Империи. *Вопросы литературы*, 5, с. 3–33. Режим доступа: https://thelibrary.ru/books/azadovskiy_konstantin/perepiska_iz_dvuh_uglov_imperii-read.html [см. 22 05 2025].
- Барановский, А.М., 2016. *Призвание – родное слово. Вехи творчества Василия Барановского*. Рига: Издание РГСО.
- Барановский, В., 1985. *Долгий всполох*. Вильнюс: Vaga.
- Барановский, В., 1989а. Китеж-град. Очерк. Вильнюс, 8, с. 140–156.
- Барановский, В., 1989б. *Багряный град. Повести*. Вильнюс: Вага.
- Барановский, В., 2000. *Хранители старой веры. Страницы истории Зарасайской старообрядческой общины*. Зарасай: Utenos spaustuvė.
- Барановский, В., 2004. *Вековые святыни. Из истории староверческих общин, храмов, кладбищ Зарасайского края*. Зарасай: Utenos spaustuvė.
- Барановский, В.С., 2008. *Боярыня Морозова. Историческая повесть*. Рига: Издание РГСО.
- Барановский, В.С., 2011. *Посвящение храму. Стихотворный текст*. Рига: Издание РГСО.
- Барановский, В.С., 2012. *Дни и труды Аггея Волкова*. (Авторство-составление). Даугавпилс: V PRINTS.
- Барановский, В.С., 2013а. *Времена и судьбы. Проза. Обозрения. Статьи*. Даугавпилс: V PRINTS.
- Барановский, В.С., 2013б. *Жил был олень. Проза разных лет*. Даугавпилс: V PRINTS.
- Барановский, В.С., 2015. *Лето тревог и печали. Сборник прозы*. Даугавпилс: Demra.
- Барановский, В., 2014. *Василий Барановский*. Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/v-baranovsky.html> [см. 17 05 2025].
- Барановский, В., 2016. *Василий Барановский о войне и мире*, 28 января. Режим доступа: <https://www.grani.lv/latvia/64002-vasiliy-baranovskiy-o-voyne-i-mire.html> [см. 15 05 2025].
- Барановский, В.С., 2021. *Единственный град во Вселенной... Стихотворные повествования*. Даугавпилс.
- Барановский, В., Поташенко, Г., 2005. *Староверие Балтии и Польши: краткий исторический и биографический словарь*. Вильнюс: Aidai.
- Метельский, Г., 2016. Проза В. Барановского. Отзывы и мнения. *Призвание – родное слово. Вехи творчества Василия Барановского*. Рига: Издание РГСО, с. 41.
- Кулешов, В., 2016. Проза В. Барановского. Отзывы и мнения. *Призвание – родное слово. Вехи творчества Василия Барановского*. Рига: Издание РГСО, с. 43–44.
- Лавринекс, П., 2013. Возвращение русской культуры из забвения. Potašenko, G. (ats. red.), Lavriniec, P., Marcinkevičius, A. *Lietuvos rusai XX–XXI a. pradžioje: istorija, tapatybė, atmintis. = Русские Литвы в XX – начале XXI вв.: история, идентичность, память*. Vilnius: Vilniaus universitetas, с. 255–315.
- Памяти усопших, 2024. *Василий Саввич Барановский. Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2024 год*. Санкт-Петербург, с. 119–121.

- Потащенко, Г., 2007. Традиция исследований старообрядцев Литвы: от демографии к истории конфессии и социолингвистике. *Etniškumo studijos, 2007/2: Baltijos regiono rusai: mažuma ir valstybė / Русские в странах Балтийского региона: меньшинство и государство*. Vilnius, p. 194–211.
- Потащенко, Г., 2018. Русский писатель, историк староверия. Василию Саввичу Барановскому 85 лет. *Резекненские вести. Газета города Резекне и Резекненского региона*, 13 апреля.
- Трофимов, И., 2005. Историческая судьба и культура староверов в прозе Василия Барановского. *Староверие Латвии* / Отв. ред.-сост. Ил.И. Иванов. Рига, с. 211–218.
- Potašenko, G., 1998. Sentikio įvaizdžiai lietuviškoje kultūroje. *Kultūros barai*, No 10, p. 49–55.
- Potašenko, G., 2025. *Lietuvos sentikių bažnyčia (1918–2018 m.). Tarp laisvės ir kontrolės*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.

References

- Azadovskii, K.M., 2003. Perepiska iz dvukh uglov Imperii. *Voprosy literatury*, No 5, pp. 3–33. Available at: https://thelibrary.ru/books/azadovskiy_konstantin/perepiska_iz_dvukh_uglov_imperii-read.html [Accessed 22 May 2025].
- Baranovskii, A.M., 2016. *Prizvanie – rodnoe slovo. Vekhi tvorchestva Vasiliya Baranovskogo*. Riga: Izdanie RGSO.
- Baranovskii, V., 1985. *Dolgii vspolokh*. Vil'nyus: Vaga.
- Baranovskii, V., 1989a. Kitezg-grad. Ocherk. In: *Vil'nyus*, No 8, pp. 140–156.
- Baranovskii, V., 1989b. *Bagryanyi grad. Povesti*. Vil'nyus: Vaga.
- Baranovskii, V., 2000. *Khraniteli staroi very. Stranitsy istorii Zarasaiskoi staroobryadcheskoi obshchiny*. Zarasai: Utenos spaustuvė.
- Baranovskii, V., 2004. *Vekovyje svyatyni. Iz istorii starovercheskikh obshchin, khramov, kladbishch Zarasaiskogo kraja*. Zarasai: Utenos spaustuvė.
- Baranovskii, V.S., 2008. *Boyarynya Morozova. Istoricheskaya povest'*. Riga: Izdanie RGSO.
- Baranovskii, V.S., 2011. *Posvyashchenie khramu. Stikhotvornyi tekst*. Riga: Izdanie RGSO.
- Baranovskii, V.S., 2012. *Dni i trudy Aggeya Volkova. (Avtorstvo-sostavlenie)*. Daugavpils: V PRINTS.
- Baranovskii, V.S., 2013. *Vremena i sud'by. Proza. Obozreniya. Stat'i*. Daugavpils: V PRINTS.
- Baranovskii, V.S., 2013a. *Zhil byl olen'. Proza raznykh let*. Daugavpils: V PRINTS.
- Baranovskii, V.S., 2015. *Leto trevog i pechali. Sbornik prozy*. Daugavpils: Demra.
- Baranovskii, V., 2014. *Vasilii Baranovskii*. Available at: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/v-baranovsky.html> [Accessed 10 May 2025].
- Baranovskii, V., 2016. *Vasilii Baranovskii o voine i mire*. 28 January. Available at: <https://www.grani.lv/latvia/64002-vasilij-baranovskiy-o-voyne-i-mire.html> [Accessed 15 May 2025].
- Baranovskii, V.S., 2021. *Edinstvennyi grad vo Vselennoi... Stikhotvornye povestvovaniya*. Daugavpils.
- Baranovskii, V., Potashenko, G., 2005. *Staroverie Baltii i Pol'shi: kratkii istoricheskii i biograficheskii slovar'*. Vil'nyus: Aidai.
- Metel'skii, G., 2016. Proza V. Baranovskogo. Otzyvy i mneniya. In: *Prizvanie – rodnoe slovo. Vekhi tvorchestva Vasiliya Baranovskogo*. Riga: Izdanie RGSO, p. 41.
- Kuleshov, V., 2016. Proza V. Baranovskogo. Otzyvy i mneniya. In: *Prizvanie – rodnoe slovo. Vekhi tvorchestva Vasiliya Baranovskogo*. Riga: Izdanie RGSO, pp. 43–44.

- Lavrinets, P., 2013. Vozvrashchenie russkoi kul'tury iz zabveniya. In: Potašenko, G. (ats. red.), Lavrinec, P., Marcinkevičius, A. *Lietuvos rusai XX–XXI a. pradžioje: istorija, tapatybė, atmintis. = Russkie Litvy v XX – nachale XXI vv.: istoriya, identichnost', pamyat'*. Vilnius: Vilniaus universitetas, pp. 255–315.
- Pamyati usopshikh, 2024. Vasilii Savvich Baranovskii. In: *Kalendar' Drevlepravoslavnoi Pomorskoj Tserkvi na 2024 god*. St. Petersburg, pp. 119–121.
- Potašenko, G., 1998. Sentikio įvaizdžiai lietuviškoje kultūroje. *Kultūros barai*, No 10, p. 49–55.
- Potashenko, G., 2007. Traditsiya issledovaniĭ staroobryadtsev Litvy: ot demografii k istorii konfessii i sotsiologvistike. In: *Etniškumo studijos, 2007/2: Baltijos regiono rusai: mažuma ir valstybė / Russkie v stranakh Baltiiskogo regiona: men'shinstvo i gosudarstvo*. Vilnius, p. 194–211.
- Potashenko, G., 2018. Russkii pisatel', istorik staroveriya. Vasiliyu Savvichu Baranovskomu 85 let. *Rezeknenskie vesti. Gazeta goroda Rezekne i Rezeknenskogo regiona*. 13 April.
- Potašenko, G., 2025. *Lietuvos sentikių bažnyčia (1918–2018 m.). Tarp laisvės ir kontrolės*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Trofimov, I., 2005. Istoricheskaya sud'ba i kul'tura staroverov v proze Vasiliya Baranovskogo. In: *Staroverie Latvii / ed.-in-chief., comp. by Il.I. Ivanov*. Riga, pp. 211–218.